

Гусень видела, как ее мать достала из запертого сундука двенадцать яиц. Сундук, деревянный и простой, был не заперт. Двенадцать яиц, все двенадцать, попали в горшок. "Мама, а яйца не для продажи?" - спросила Гусень тихим голосом. Она помнила, как, увидев детей из семьи дяди, своих кузенов, ела яйца. Хотела и сама. За это мама ее побила. Она глубоко впечатала в память слова родителей, сказанные в тот день. "Ешь, ешь, ешь! Ты что еще умеешь, кроме как есть? Яйца дорогие. Ты, негодница, можешь позволить себе есть такую дорогую еду? Тебе такое есть положено? Это для продажи. Как я могу тебе так много давать есть? Ты, негодная девка, еще смеешь думать о яйцах? Я тебя забью до смерти!" Конечно, ее родители ругали ее и отказывали ей в яйцах. Сами тоже не ели их. Но теперь такое дорогое яйцо варилось вот так. Неужели их семья сделалась богатой? Цай Сяолинь накрыла горшок и повернулась, - "Ты что сказала? Прости, я не слышала, ты тихо говоришь." Гусень снова опешила. Ее... ее мать извинилась? Мать так ласково на нее улыбнулась. Девочка подозревала, что не оправилась от болезни и умерла. А в ином месте она видит перед собой призрачное видение матери. Должно быть, так. Цай Сяолинь посмотрела на ошеломленную девочку и растерянно спросила - "Э-э.. Что с тобой? " В ее памяти эта девочка была глуповатой. Ей никогда не приходило в голову подумать, что ее мать перестала быть ею! Если бы отец и сестра девочки увидели это, она бы еще поверила. Гусень собралась с духом, посмотрела на Цай Сяолинь и, с робостью, спросила: "Мама, а мы сегодня на обед яйца будем есть? " "Ну, уже почти полдень. У меня нет времени готовить. Давайте сначала поедим вареных яиц, чтобы набить живот. Вечером что-нибудь другое приготовим", - сказала Цай Сяолинь с неловкостью. Дело было не в отсутствии времени, а в том, что она совершенно не умела готовить. Она умела только обращаться с рисоваркой и газовой плитой. С этим большим котлом она не справлялась. Она подумала подумать о том, как приготовить ужин после обеда. Пока отец и дочь не заметили ее аномальности за последние несколько дней, она должна выучить все, что знала предыдущая хозяйка. Все было в ее памяти. Да, Цай Сяолинь не была Гу Синьниан. Она была переселенкой. Она переместилась сюда после своей смерти. Она была онкологической больной на последней стадии. Ей потребовалось три дня, чтобы смириться с мыслью, что она переселенка. Гусень все еще не могла поверить в это. Ее мать приготовила столько яиц. Она тупо смотрела на Цай Сяолинь. "Э-э, иди позови отца и сестру, пусть умоются и готовятся к обеду." Цай Сяолинь немного испугалась взгляда девочки и хотела ее отправить прочь. "Хорошо", - ответила Гусень с отупением, а затем повернулась, чтобы поискать отца и сестру. Она хотела убедиться, не является ли ее мать призрачным видением, и не превратились ли отец и сестра в призраков ее воображения. "Отец, отец, ты проснулся?" Гусень подошла к двери Гу Шоусиня и дважды постучала. "Проснулся? Что случилось?" Гусень так испугалась, что отшатнулась на два шага назад. Голос принадлежал ее отцу, но он совсем не походил на голос ее отца. В прошлом, когда она звала отца, он раздраженно ругал ее. Всегда говорил : "Проклятая девчонка, чего орешь? Еще раз закричишь, я тебя забью до смерти". Неужели ей следовало сказать что-то? Гусень: "Я хочу плакать."